

УДК 81-119

Пугачева Е. Ю.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ «ИСТОРИК» В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ Л. Н. ТОЛСТОГО И ДЖ. ФАУЛЗА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

АННОТАЦИЯ

Цель. Установить лингвистические особенности, характерные для интертекстуальных вкраплений дневникового дискурса, тематически объединённых обращением к истории и восприятием исторических событий языковой личностью, и способность этого рода интертекстуальных вкраплений передавать эмоции.

Процедура и методы. Использованы несколько взаимозависимых методов исследования: контекстуальный, лексико-стилистический, дискурсивный, лингвокультурологический, статистический. Анализ показал наличие повышенной эмотивной включённости авторов в происходящие вокруг них перемены, о чём свидетельствуют расширенный ряд средств экспрессии и их конвергенция.

Результаты. Выявлено, что социальная роль «историк» имеет особый инструмент выдвижения в потоке речи («они-коммуникация») и особый способ использования самих интертекстуальных отсылок как средств выразительности.

Теоретическая и практическая значимость связаны с расширением взглядов на природу интертекста и его эмотивного модуса, а также с возможностью применения предлагаемого подхода на занятиях по аналитическому чтению, теории дискурса и интерпретации текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

интертекстуальность, прецедентность, интертекстуальные вкрапления, цитата, тематический регистр, реминисценция, глубинный смысл

СТРУКТУРА

Введение

Методика анализа интертекстуальных вкраплений

Историческое событие – смерть монарха

Смена исторических формаций

Анализ полученных результатов

Выводы

E. Pugacheva

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

VERBALIZATION OF THE EMOTIONAL ASPECT OF “HISTORIAN” SOCIAL ROLE IN LEO TOLSTOY’S AND JOHN FOWLES’ DIARY DISCOURSE: COMPARATIVE ANALYSIS

ABSTRACT

Aim. To establish the linguistic features characteristic of intertextual inclusions in diary discourse, thematically united by an appeal to history and the perception of historical events by a linguistic person, and the ability of this kind of intertextual inclusions to convey emotions.

Methodology. Several interdependent research methods were used: contextual, lexico-stylistic, discursive, linguocultural, statistical. The analysis showed the presence of an increased emotive involvement of the authors in the changes taking place around them, as evidenced by the extended range of means of expression and their convergence.

Results. It was revealed that the social role of the “Historian” has a special tool for advancing in the flow of speech (“they-communication”) and a special way of using the intertextual references as means of expression.

Research implications. The study contributes to the expansion of views on the nature of the intertext and its emotive mode, as well as to the possibility of using the proposed approach in classes on analytical reading, discourse theory and text interpretation.

KEYWORDS

intertextuality, precedent, intertextual inclusion, quotation, thematic register, reminiscence, innermost sense

ВВЕДЕНИЕ

Язык средств эмотивности в разных дискурсивных пространствах анализируется не только лингвистами, но и целым рядом специалистов смежных профессий: антропологами, психологами, криминалистами, социологами, историками [1–7]. Наиболее ярким с этой точки зрения иллюстративным материалом остаётся разговор наедине с собой, а именно – страницы дневников. Их язык имеет особый вид, похожий на поток сознания: здесь не преследуется цель кого-то переубедить или отследить точную событийную последовательность. Важнейшей функцией дневникового дискурса всегда являются эмоциональная разрядка пишущего и аналитика собственных ощущений, что, безусловно, включает неограниченный набор средств вербализации [2, с. 53].

Изучению инструментов эмотивности посвящено немало работ [2–6], а вопросы, в них поднятые, не сходят с повестки дня актуальной лингвисти-

ки. **Материалом** представленного исследования послужили записи дневников Л. Н. Толстого (1847–1894 гг.) и Дж. Фаулза (J. Fowles) (1949–1965 гг.). Выбор материала сопоставления продиктован несколькими аспектами: 1) судьбы писателей выстраиваются в удивительные параллели: отсутствие родительского влияния, опыт участия в военных действиях, педагогическая деятельность, определение с главным ремеслом жизни в зрелом возрасте, сложные отношения к религиозным догмам, проблемы в семейной жизни, страсть к физическому труду, общность литературных интересов, продолжительность жизни и мн. др.; 2) Дж. Фаулз не раз признавал Л. Н. Толстого своим Учителем, полемизировал с его идеями и произведениями в целом, восхищался его стилем и мощностью слова¹; 3) различия писателей по национальности, времени жизни, социально-экономическому положению, вероисповеданию и пр. обеспечивают максимальную беспристрастность к пониманию социальной роли «историк» в структуре языковой личности и особенностям её вербализации; 4) нами не зафиксировано подобного диахронического исследования, в чём усматриваем **дополнительную научную оригинальность**. **Практическая ценность** исследования обусловлена тем, что вскрытые параллели в дневниковых текстах указанных личностей позволяют обозначить их как своеобразный «творческий диалог» и переосмыслить актуальный материал с точки зрения личностного и «надличностного» аспектов.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ

Алгоритм исследования включает несколько взаимосвязанных этапов: 1) *методом сплошной выборки* выявлены отрывки дневниковых записей, в которых наиболее ярко проявлена социальная роль «историк»²; 2) *методом лексико-стилистического, контекстуального, лингвокультурологического анализа* выделены фонетические, морфологические, лексические и синтаксические особенности, присущие обозначенной социальной роли языковой личности автора дневникового дискурса; 3) *методом дискурсивного анализа* определено эмотивное состояние пишущего; 4) *сравнительно-сопоставительным методом* проведён анализ полученных данных и 5) *общефилософским методом дедукции* сделан вывод по проделанной работе.

Выделены и проанализированы 20 проявлений социальной роли «историк» на страницах дневников Дж. Фаулза и 40 – Л. Н. Толстого. Такая разница связана с тем, что во время Кавказской кампании (1817–1864) Л. Н. Толстой смог продолжать вести дневник и фиксировать происходящие исторические

¹ Fowles J. The Journals. Vol. 1 / ed. Ch. Drazin. London: Vintage, 2004. 668 p.

² Под социальной ролью «историк» в данной статье мы понимаем аспект языковой личности писателя, фиксирующий не внутренние, личные или творческие факты биографии и/или переживания, но внешние события, важные для всей нации и меняющие реальность их творческого бытия, в частности.

события. Фаулз во время службы не вёл дневниковых записей. Однако события, происходившие во время Второй мировой войны 1939–1945 гг., имели не меньшую историческую значимость для Дж. Фаулза.

Для социальной роли «историк» в целом характерно активное использование интертекстуальных отсылок, т. е. «непосредственные упоминания имён, неявных аллюзий к объектам, процессам и событиям внетекстовой реальности, к культуре в широком смысле как семиотической системе» [4, с. 62]. Однако в условиях дневникового дискурса нами было установлено, что дополнительной чертой указанной социальной роли можно считать переход с «я-повествования» на «они-повествование», где объектом описания служат не приватные акции или события воображаемой действительности, но действительность внешнего мира, важная для всей нации, т. е. глобального масштаба, влияющая на бытие каждого. Редкость и своеобразие оформления текстовых кодов разных социальных ролей позволяют рассматривать интертекстуальные отсылки к таким событиям как особый стилистический приём, близкий по функциональному потенциалу к прочим средствам экспрессии и выразительности.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ – СМЕРТЬ МОНАРХА

Приведём текстовый фрагмент в качестве примера:

Болезнь и, вероя[т]но, скорая смер[т]ь государс[т]ва очень [т]рогае[т] меня. Хо[т]я[т] удержа[ть] и спас[т]и [т]онущее самодержавие и посылают на выручку ему православие, но самодержавие у[т]онул[и] православию и само по[т]моне[т] скорее ... те же безумие и подлос[т]ь по случаю смер[т]и с[т]арого и восшес[т]вия нового царя. В Москве [т]яжело о[т] множес[т]ва людей ... Помню [т]олько [т]о, ч[т]о шес[т]вие через Москву с гробом было очевидным лицедейством, которое должны были производить цари. Такое лицедейство они производят всю жизнь: в этом проходит вся их жизнь³.

Следуя заявленному алгоритму, начнём анализ с лингво-культурологического, контекстуального и лексико-стилистического изучения представленной выдержки. Совокупность слов (*болезнь, смерть, безумие, подлость, гроб*), принадлежащих семантическому полю «болезнь», формирует гневливую атмосферу повествования. Параллельно развивается метафора, уподобляющая смерть потопу (*тонущее самодержавие, утопит православие, потопит скорее*). В этом можно усмотреть опасение за судьбу государства, Родины писателя. Эмоциональная вовлечённость историка в этом примере имеет яркое выражение.

С точки зрения культурологического анализа, само событие – кончина Александра III (1 ноября 1894 г.) – было потрясением не только российского, но мирового масштаба. Страх и агрессия, сквозящие в этом высказывании,

³ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 20. Дневники 1895–1910 гг. М.: Художественная литература, 1965. С. 513–514.

вполне естественны и объяснимы. В энциклопедическом издании «Теория личности» читаем: «Ни один психолог не рискнет предсказать поведение крысы, не зная, в каком рукаве Т-образного лабиринта размещается пища или будет нанесён удар током. Не проще предсказать поведение человека, не зная условий его “лабиринта”, то есть структуры его социальной среды ... эмпирическая дефиниция психологических переменных невозможна без обращения к мудрости и данным антропологии, что в свою очередь подчёркивает транскультурную всеобщность...» [8, с. 472].

Беспрецедентность произошедшего повысила ответственность каждого отдельного члена сообщества за последующее существование целого народа. Резкая реакция хоть одного из них могла радикально повлиять на ход истории в целом. Многие, как и Л. Н. Толстой, осуждали поведение власть имущих, негодовали по поводу некоторых решений (есть свидетельства, что Л. Н. Толстой не просто констатировал свои мысли в дневниках, но эмоционально обсуждал случившееся со своими соратниками и оппонентами как лично, так и в переписке, и невозможность переубедить последних также горькими сокрушениями фиксировалась в дневниках⁴), но в то же время осознавали их фундаментальную роль в жизни страны и мира. Вот почему при всём негативизме фразы ощущается сочувствие писателя не как объективного историка, но как субъективного частного лица, знающего утраты (*очень трогает меня, тяжело*).

Формируется цепочка контекстуальных синонимов: *государство, тонущее самодержавие, православие, лицедейство*. Установление знака равенства между ними (стилистический приём метафоры) придаёт уничижительный оттенок высказыванию, поскольку уподобляет событие государственного масштаба театрализованному действию. Примечательны эти синонимические ряды ещё и тем, что создают косвенный звукописный эффект: аллитерация звука [т] создаёт некое нагромождение, утяжеляющее восприятие и без того скорбной вести.

Этой же цели отвечает интенсифицированная модальность в отрывке: *вероятно, скорее, очевидным, должны*. Используя эти лексические единицы, Толстой-историк занимает позицию в рядах «народного фронта», о чём явно свидетельствует «мы-коммуникация», а также вследствие чего формируется оппозиция царствующему дому и православию. По мысли Л. Н. Толстого, человек – простой рабочий люд — остаётся на передовой линии борьбы между институтами власти: светской и религиозной. Они представлены, с одной стороны, тождественными (*посылают на выручку*), но, тем не менее, между собой враждующими сторонами, поскольку самодержавие использовало догмы православия исключительно в выгодной для себя позиции, в

---

⁴ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 20. Дневники 1895–1910 гг. М.: Художественная литература, 1965. 670 с.

чём и проявлялось для Л. Н. Толстого его двуличность. Вспомним слова доктора исторических наук, профессора МГУ Н. В. Борисова о том, что многие цари, считая себя «помазанниками Божиими», творили всяческие злодеяния, транслируя идею, что через них творится помысел Божий [1]. Вот почему автор цитируемой выдержки приходит к выводу, человек – вовсе не мелкая пешка: цари сменяются, но индивид – остаётся; и только благодаря русской всетерпимости, «вере в справедливого царя-батюшку» и трудолюбию самодержавие имеет свойство восстанавливаться.

Вторая часть анализируемого интертекстуального вкрапления представляет собой «я-послание», прерванное навалившимися испытаниями (стилистический приём *apoziopezisa*), связанными с личным опытом утраты. Сам Лев Николаевич не раз терял собственных детей и друзей (во время военных кампаний)⁵. Память настойчиво стремится вытолкнуть подробности этих воспоминаний, оставляя только общее впечатление. В этом мы убеждаемся за счёт противопоставления «*смерти старого – восшествию нового*»: история не стоит на месте, и освободившееся место всегда недолго остаётся незанятым.

Отметим, что, как и Л. Н. Толстой, Дж. Фаулз свидетельствовал в дневниках смерть монарха и, в свою очередь, делал акцент на реакции окружающих через инструмент «они-коммуникация». Приведём отрывок:

(6 February 1952) Death of King George VI – people keep on coming to me, and gleefully announcing the sad news. When I came into dinner, all the boys at my table looked at me with a joyful smile, and the perfect said, with a broad grin, “The King of England is died” I think they were faintly surprised I was not in black and weeping.

The death of a king no longer touches the particular, except in as much as it is a milestone, the end and the beginning of epochs. This king had no characteristics – a neutral, insipid personality. The modern king is a constitutional nobody; his only chance of [b]eing remem[b]ered is [b]y his personality.

Now we shall be flooded under with obituaries and salutes to the glorious new Queen (6), with drawing of parallels and general smugness. But Elizabethan ages, and the conditions in which they could arise, are done with; now only political epochs, and this Elizabeth is a prig, a throwback, a second Victoria⁶ [7, с. 165].

⁵ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 20. Дневники 1895–1910 гг. М.: Художественная литература, 1965. 670 с.

⁶ (6 февраля) Смерть короля Георга VI. Люди подходят ко мне и с веселым видом сообщают печальную новость. За обедом ученики радостно пялились на меня, а староста, широко улыбаясь, объявил: – Умер король Англии. Думаю, их слегка удивило, что я не в трауре и не заливаюсь слезами. Смерть королей теперь уже не так волнует подданных, к этому событию относиться как к одной из вех, концу одной эпохи и началу другой. В скончавшемся короле не было ничего выдающегося – ни ярких качеств, ни энергии. В наши дни король по конституции – никто, он может остаться в истории только благодаря своей личности. Теперь в изобилии пользуются некрологи и приветствия блистательной новой королеве, непременно проведут параллели – к всеобщему

Первое, на что мы обратили внимание, – это числовые характеристики, которые принадлежат иной системе знаков (яркий пример междискурсивной интертекстуальности): 6 февраля, Георг VI и 6-кратное повторение лексической единицы **king** – *the title of the male ruler of a country, usually a son of the former ruler; the most important man or male animal in a group, esp. a chief among competitors; the most important piece in chess or any other of the four playing cards with a picture of a king*⁷. Нередко такую комбинацию цифр (666) именуют «числом зверя» и считают дурным предзнаменованием, что также участвует в формировании подтекстовой атмосферы и эмоционального фона высказывания.

Вторым пунктом, фокусирующим целый спектр различных эмоций, служит объединение в одном контексте оксюморонных элементов: *gleefully* («радостный, веселый, ликующий») – *sad* («печальный, грустный, унылый»), *a joyful smile* («улыбка, расположение, поддержка») – *a broad grin* («оскал зубов, выражение угрозы, усмешка»), *the end* («конец») – *the beginning* («начало»), *obituaries* («некролог, поминальные сводки, синодик») – *salutes* («дружеское приветствие, отдавание чести, салют»), *neutral, insipid personality* – *most important man, constitutional nobody, second Victoria*. Такое противопоставление с конечным негативным компонентом перевешивает чашу весов формирующегося у читателя отношения в сторону презрительного, недоверительного. Подобные параллели формируют особое психологическое ожидаемое, вопреки традиционной вере в лучшее.

В-третьих, финальные уничижительные словосочетания построены на синтаксическом приёме 'неоправданное ожидание' с элементом иронии. Вместо (конституционный) *монарх* приводится местоимение с отрицательной частицей *no*. Вместо логического следования элементов *Виктория (R-Регина) II* видим 'вторая Виктория', имеющее в подтексте «повтор ошибок, совершённых предшествующим монархом», «такая же, как и первая». Относительно повтора отрицательных частиц можно сказать, что они, образуя тончайшую ткань повествования всего корпуса дневников, участвуют в создании протестной реакции автора на происходящие исторические смены режимов и сигнализируют о гражданском недовольстве.

В-четвёртых, примечательна цитата одного из греческих коллег Фаулза, построенная с явной грамматической ошибкой: (букв.) *король есть умер*. Нарушение структурных парадигм языка не препятствует коммуникации, но служит средством выдвигания негативной информации. Противопоставление местоимений «я – они» усугубляет одиночество и отстранение повествователя от окружающих.

самодовольству. Но елизаветинские эпохи и условия, при которых они возникают, канули в прошлое, теперь царит политика, а наша Елизавета – консерватор и педант, она – вторая Виктория (Фаулз Дж. Дневники 1949–1965. М.: АСТ: АСТ Москва, 2007. 860, [4] с.).

⁷ Longman Dictionary of English Language and Culture. 4th impr. Harlow: Longman, 2000. P. 723.

В-пятых, в конечной фразе выдержки целый ряд метафор образует нарастание посредством бессоюзной связи (синтаксический приём асиндетона): а *prig* («педант, формалист, самодовольный человек»), а *throwback* («атавизм, регресс, задержка, возврат к прошлому»), а *second Victoria*, (имя Виктории ассоциировалось с рядом радикальных, не всегда приветствуемых народом, реформ). Сниженный регистр указанных определений явно сигнализирует о личной вовлечённости Фаулза-историка в противовес должному абстрагированному повествованию о случившемся, в чём прослеживается совпадение с высказываниями Л. Н. Толстого. Вторая метафора деперсонифицирует личность престолонаследницы, что служит яркой иллюстрацией эмоционального модуса автора дневника. В представленной выдержке выделяется гиперболическая метафора – *be flooded under* с аллитерированным согласным [d], создающим косвенную звукопись. Вспомним, что повтор этого звука характерен для указания на смерть (*death*), тьму (*darkness*), разрушение (*destruction*), звучанию набата (*диль-дон*) [7]. У читающей публики могут возникнуть аллюзия на произведение Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» (1940) и соответствующее ожидание разочарований.

В-шестых, упоминание ещё одного прецедентного имени – королевы Елизаветы I (1533–1603, которая на период написания дневника не имела одноимённых монархов-потомков) – может восприниматься как определённый инструмент сравнения. Её эпоха вошла в историю беспрецедентной вехой, а достижения её современников едва ли сравнимы с последующими. Подобные тонкости повествования заметно повышают требования к читательской аудитории. Автор ведёт полемику с образованным, много знающим и тонко чувствующим читателем-собеседником. Ещё при жизни Фаулз дал согласие на публикацию своих записей (см. вступление к «Журналам⁸»), поскольку считал их своим лучшим творением – письменным свидетельством становления собственной личности, своей писательской натуры, человеческих качеств.

Не только смерть монархов фиксировалась писателями в личных хрониках. Указы и акты также подвергались фиксации. Так, ещё одной вехой, не ускользнувшей от чуткого барометра истинной человечности Л. Н. Толстого, явилось объявление царём о высшей мере наказания: *Ругал царя за то, что возобновилась смертная казнь*⁹. Отметим, что эта фраза упомянута вскользь: между описанием утренних дел самого Толстого и дел его домочадцев. Возникает ощущение, что он по-свойски пожурил нашкодившего, но далее, уже в роли философа, много и подробно рассуждает о причинах, толкнувших несчастных на совершение преступлений, ведущих на эшафот. В то же время как христианин Л. Н. Толстой объяснял, что «ничего нельзя оправдать дела-

⁸ Fowles J. The Journals : in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. X–XX.

⁹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 20. Дневники 1895–1910 гг. М.: Художественная литература, 1965. С. 420.

нием зла»¹⁰. Анализ социальных ролей философа и христианина не входит в круг поставленных задач и целей данной работы.

СМЕНА ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Разобранные выдержки позволяют констатировать диффузность и многоплановость позиции «историка – свидетеля глобальных национальных событий». Трудно писателям сохранить объективность летописцев. Языковая личность таких масштабов не может остаться в стороне от событийного ряда современности. Ответить на такое положение можно словами самого Л. Н. Толстого: *исторически новое редко бывает хорошо, потому что хорошее недолго остается новым*¹¹.

Представленный во фрагменте парадокс отражает истинное положение вещей. Люди редко добровольно идут на изменение устоявшегося образа жизни, да и сама скоротечность жизни не даёт воспитать *привычку бытия*. Отрывок, характеризующий социальную роль «историк», выстраивается по линии противопоставления лексических единиц: *новое – хорошее*. С синтаксической точки зрения высказывание образует зеркальный повтор (стилистический приём *хиазма*). С лексической точки зрения формируется поле времени за счёт слов *редко* и *недолго*. На наш взгляд, это квинтэссенция понимания истории как смены формаций.

Дж. Фаулз также много писал о смене исторических формаций. Приведём две выдержки: *Two causes for hate. Being born into an age and place where civilization has been crowned, and now is a decadent monarchy. Thus, France culminates in **her** 17th, us – in our 16th, Germany – in **her** 18th to 19th, Russia – in **her** 19th, Italy – in **her** 12th – 14th–15th (and Rome). Coming at the tail end, one as no chance. It is impossible to surmount the barriers inherent in the age. Secondly, to be destined to the most limited and perishable of arts, literature. Pictorial art and music both last longer and appeal more widely*¹².

Следуя заявленному алгоритму, приведём лексико-стилистический, культурологический и контекстуальный разбор цитаты.

Выдержка являет собой крик души: её распространённость, отсутствие союзной связи (особый модернистский приём – поток сознания) создают экс-

¹⁰ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 20. Дневники 1895–1910 гг. М.: Художественная литература, 1965. С. 420.

¹¹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 20. Дневники 1895–1910 гг. М.: Художественная литература, 1965. С. 454.

¹² Две причины для недовольства. Во-первых, родился я не в то время, в месте, где цивилизация завершилась, оставив загнить монархию. Франция достигла расцвета в XVII веке, мы – в XVI, Германия – в XVIII–XIX веках, Россия – в XIX, Италия – в XII, XIV и XV веках (не считая Рима). Когда являешься под занавес, у тебя нет шансов. Невозможно преодолеть барьеры, присущие твоему веку. Во-вторых, обречен служить самому ограниченному и преходящему виду искусства – литературе. Изобразительное искусство и музыка живут дольше и волнуют большее число людей (Фаулз Дж. Дневники 1949–1965. М.: АСТ: АСТ Москва, 2007. С. 21).

прессивную насыщенность. Эмоциональность повышается за счёт вклинивания прецедентных имён – названий стран, переживших всплеск развития цивилизации: *Италия – Великобритания – Франция – Германия – Россия – (Рим) – Америка*. Именно в таком порядке, по мнению автора, происходит передача эстафеты культурно-экономического первенства в историческом масштабе. Примечательно, что обращение к странам идёт через персонификацию, о чём свидетельствуют местоимения женского рода *her*. Нескольким особняком в этом ряду стоит *Рим*. Любовь Фаулза к этому вечному городу весьма заметна на страницах дневников.

Примечательно образование особого лексико-семантического поля с ядерным компонентом «расстройство»: *hate – a very strong dislike, detest; to be sorry, regret*¹³, *Decadent – marked by falling to a lower or worse level of mortality, civilization, art from a former higher or better level; state of having low standards of behavior or morality; in a state of decline (ibid)*; (метафорический эпитет) *Tail-end – the very last part (ibid)*; *No chance, Impossible – that cannot happen or exist, or be done or fulfilled; difficult or awkward to accept or deal with (ibid)*; (метафорическое выражение, построенное на сочетании французских слов *sur – поверх, mount – гора*) *Surmount barriers – to succeed in dealing with a difficulty; overcome; to be above or atop sth that is used to keep people or things apart or prevent or control their movement; sth not physical that prevents activity, movement (ibid)*; *Destined – intended by fate for some special purpose, having a destination (ibid)*; *Most limited – not very great in amount, power, not able to increase or improve; having limits (ibid)*; *Perishable – likely to decay quickly if not kept in proper conditions (ibid)*. Как видим, в дефинициях слов много отрицательных конstituентов, о чём мы не раз упоминали при стилистическом разборе предшествующих примеров.

Как хроникёр, Фаулз замечает проявления артефактов истории и в литературе, и в искусстве зодчества, живописи, скульптуре и кинематографе. Как резидент Великобритании, Фаулз не мог оставаться равнодушным к политическим и прочим историческим событиям. Одним из них можно считать всеобщие выборы 23 февраля 1950 г., сократившие количество мест, занимаемых лейбористской партией в английском парламенте.

*Fascination of listening in the small hours of the morning to Election results. The constant interruption of the music and the numbers counted floating out of the loudspeaker. Interest grows like a child's interest in a match boat-race in a gutter. The Liberals play magnificent spoiling game. The Conservatives creep up, stealthily. A dull, wet night*¹⁴.

Представленная выдержка пронизана иронией: едва ли кто будет очарован (*Fascinate – to attract and hold the interest or attention of; to fix the eyes so*

¹³ Longman Dictionary of English Language and Culture. 4th impr. Harlow: Longman, 2000. P. 606.

¹⁴ Fowles J. The Journals: in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. 19.

as to take away the power of movement, as a snake does¹⁵) сухими количественными данными в предрассветный час (*in the small hours – первые часы после полуночи, предрассветные часы*), когда естественное желание нормального человека – спать. Отметим капитализацию лексем *Election, Liberals, Conservatives*, придающую значимость данным номинируемым феноменам. Однако релевантность этих явлений теряет свою весомость рядом с Музыкой – истинным воплощением очарования для Фаулза (и ещё одним артефактом истинной истории).

Фаулз сравнивает выборы политической верхушки британского общества с сомнительной заинтересованностью ребёнка, пускающего кораблики в сточной канаве. Столь сниженное уподобление колоритно отражает отношение и эмоциональное участие писателя в «ребяческих забавах» взрослых дядей, стремящихся закрепить свою позицию в мире за счёт пустого *воздухотрясения* (авторский неологизм). Именно по этой причине Фаулз прибегает к метафорам и оксюмору: *magnificent* («великолепный, пышный, замечательный») *spoiling game* (воен. «Упреждающий удар, отвлекающий маневр, дословно – портящая игра»); *creeping up* («медленное движение, просачивание, еле передвигать ноги»). Отметим, что в просторечии эта лексическая единица может иметь значение «воришка, незначительная кража», что едва ли ускользнуло от внимания писателя и добавило колоритности высказыванию. Тем самым Фаулз умышленно ставит под сомнение честность сильных мира сего по отношению к волеизъявлению народа. Ввиду этого лексическая единица *stealthily* («украдкой, исподтишка, тайно, втихомолку») употребляется в постпозиции – для подтверждения. На фоне ярких авторских метафор стёртость словарных уподоблений (*floating out, wet night*) констатирует некую привычность происходящих подтасовок, что в некотором роде представляет собой историческую неизбежность, политическую фатальность. Отметим ономотопичный характер каждой метафоры: дифтонги передают континуальность процесса, а аллитерация звука [t] созвучна падающим каплям дождя (или слёз, или пота?). Заключительная фраза представляет собой предложение, синтезирующее незаконченность и бесконечность борьбы за первенство.

С эмотивной точки зрения данное высказывание весьма насыщено: весь комплекс стилистических средств наглядно демонстрирует авторское равнодушное участие и вместе с тем пассивное созерцание мелочности жизни своего поколения соотечественников.

АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Представим полученные результаты в сводной таблице (табл. 1).

¹⁵ Longman Dictionary of English Language and Culture. 4th impr. Harlow: Longman, 2000. P. 606.

Таблица 1 / Table 1

Сводные данные по средствам вербализации эмотивного модуса социальной роли «историк» в дневниковом дискурсе / Summary data on the means of verbalizing the emotive mode of the social role "historian" in the diary discourse

	Экспрессивные средства в ДД Л. Н. Толстого	Экспрессивные средства в ДД Дж. Фаулза
Количество и тематика заметок	(40) Смерть царя, указы царя +	(20) Смерть короля, результаты выборов
Аллитерации \ ассонанс	[t]+	[d]+
Аллюзии \ интертекст		+
Апозиопезис \ прерванное повествование	+	
Асиндетон \ поток сознания \ увеличенная эмотивность текста		+
гипербола	Не выявлено	+
Деперсонификация \ персонификация	+	+
метафорика	+	+
повторы	Лексический, хиазм	Синтаксический, цепной
Формирование лексико-семантических полей слов	+	+
Контрадикции \ противопоставления	+	+
цитирования	Не выявлено	+
Грамматические девиации	Не выявлено	+
Звукопись \ ониматопея	+	+
Модальность неуверенности / страха \ негации	+	+
Нарастание \ градации	+	+
неологизмы	Не выявлено	+
оксюморон	Не выявлено	+
Парадокс \ ирония	+	+
Подтекст / аллюзии	Не выявлено	+
Вариации форм интертекстуальных вкраплений	Открытые письма государю, записки христианина, дневник помещика	Не выявлено
Прецедентные имена	Не выявлено	+
асиндетон	+	+
оксюморон	Не выявлено	+
Неоправданное ожидание	Не выявлено	+
Я-они коммуникация	+	+
Терминологическая насыщенность	Не выявлено	+

Как видим, идиостили обоих авторов весьма различны. Во-первых, немалую роль в этом играет и тип языка: русский принадлежит флективному типу, английский – сейчас близок к изолирующему типу, безусловно, прибегающих к разным типам выдвигания информации. Но, как мы указывали во введении, чем больше различий в сопоставляемых объектах, тем интереснее случаи совпадения средств вербализации авторской языковой личности в социальной роли «историк».

Во-вторых, самым важным различием мы усматриваем разную целевую аудиторию. В то время как Л. Н. Толстой стремится к максимальному объятию читательской аудитории, максимальному пониманию в среде народной (что весьма соответствует языковой картине мира русских – единению), Фаулз стремится максимально обособиться и стать доступным для понимания только избранных, интеллектуально развитой части общества (что соответствует стремлению к элитарности, свойственной английской языковой картине мира)¹⁶.

В-третьих, примечательной особенностью текстов дневников обоих авторов становится обращение к интертекстуальным отсылкам как к особому стилистическому приёму, сопоставимому в своём функциональном качестве с прочими средствами выразительности речи – фигурам и тропам. Считаем, что данный вывод может стать отправной точкой нового направления в развитии теории языковой личности – интертекстуальной характерологии как референтного способа организации текста и эмотивных функций отсылок.

ВЫВОДЫ

1. В результате исследования сделан определённый вклад в разработку комплексного анализа функционально-семантической категории языковой личности, а именно в развитие лингвосемантики, когнитивной лингвистики, лингвистики текста, стилистики, лингвокультурологии и теории интертекстуальности, т. е. способности текста включать несколько взаимнозаменяющих субъектов речи как на уровне формы, так и на уровне содержания.

2. Опыт анализа дневникового дискурса показывает, что в 90% случаев очевидец прописывает то, что его задевает с негативной стороны, вызывает обиду, негодование, споры, а не нечто положительное. Отчего? Ответ очевиден. Человеческой природе свойственно хорошее воспринимать как норму, а плохое – как отклонение от таковой, что и требует отдачи на бумаге.

3. Набор стилистических приёмов, несмотря на общность тематики и выражаемых эмоций, весьма шире у Дж. Фаулза. Его способу изложения присущи: повышенная субъективность повествования, что обладает эффектом глубинного психологического самораскрытия автора; эффект катарсиса, экспрессивная лексика, интенсификаторы, прямые и переносные значения

¹⁶ Указания на то, что дневники могли быть и были достоянием нации, приводятся в самих дневниках.

слов, средства экспрессивной фонетики, фигуры и тропы, формирование контекстной эмоциональной коннотации, композиционные приёмы экспрессивности, подтекстовое пространство.

4. Спектр проявленных эмоций в корпусе дневникового дискурса образует общий модус повествования, из которого можно заключить, что всё отражённое в дневниковом дискурсе является тонированным субъективной оценкой. Отметим, что оценочность дневников Л. Н. Толстого носит более открытый характер и включает элементы авторского настроения, носящего по всему корпусу выявленных интертекстуальных отрезков устойчивый, однородный характер. У Дж. Фаулза, напротив, эмоциональность не однородна и выражается более изощрёнными средствами. В этом мы усматриваем желание манипулировать своей читательской аудиторией.

5. В перспективе данного исследования можно предложить использование выработанного алгоритма для изучения прочих социальных ролей глубинной языковой личности автора дневникового наследия или других видов дискурса. И развитие предложенного направления – интертекстуальной характерологии как референтного способа организации текста и эмотивных функций отсылки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов Н. В. История России с древнейших времен до конца XVIII века: учебник для бакалавриата по направлению «История» / отв. ред. Б. Н. Флорья. 2-е изд., испр. и доп. М.: Московский университет, 2019. 544 с.
2. Босова Л. М. Речевой портрет женщины-политика // Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе: вопросы теории языка и методики обучения: программа 7-й международной научно-практической конференции и тезисы докладов. Коломна: ГСГУ, 2019. С. 36–37.
3. Жирова И. Г. Межкультурный творческий диалог между М. Ю. Лермонтовым и Дж. Г. Байроном // Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе: вопросы теории языка и методики обучения: программа 7-й международной научно-практической конференции и тезисы докладов. Коломна: ГСГУ, 2019. С. 59–60.
4. Игнатов К. Ю. Интертекстуальные отсылки в лингвопоэтическом анализе стихотворения // Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе: вопросы теории языка и методики обучения: программа 7-й международной научно-практической конференции и тезисы докладов. Коломна: ГСГУ, 2019. С. 62–63.
5. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта: Наука, 2014. 352 с.
6. Матвеева Т. В. Тональность (субъективная модальность, текстовая модальность, текстовая экспрессивность) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / гл. ред. М. Н. Кожина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 549–552.

7. Пугачева Е. Ю. Практикум по аналитическому чтению. М.: Перо, 2019. 176 с.
8. Холл К. С., Гарнер Л. Теория личности / пер. с англ. И. Б. Гриншпун. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 592 с. (Мир психологии).

REFERENCES

1. Borisov N. V. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa 18 veka* [History of Russia from ancient times to the end of the XVIII century]. Moscow, Moscow State University Publ., 2019. 544 p.
2. Bosova L. M. [Speech portrait of a female politician]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoyazykovogo obrazovaniya v vuze: voprosy teorii yazyka i metodiki obucheniya: programma 7-i mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii i tezisy dokladov* [Current issues of contemporary language education at higher school: questions of language theory and teaching methods: Program of the 7th international scientific-practical conference and theses of reports]. Kolomna, State Social and Humanitarian Studies University Publ., 2019, pp. 36–37.
3. Zhirova I. G. [Intercultural creative dialogue between M. Yu. Lermontov and J. G. Byron]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoyazykovogo obrazovaniya v vuze: voprosy teorii yazyka i metodiki obucheniya: programma 7-i mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii i tezisy dokladov* [Current issues of contemporary language education at higher school: questions of language theory and teaching methods: Program of the 7th international scientific and practical conference and theses of reports]. Kolomna, State Social and Humanitarian Studies University Publ., 2019, pp. 59–60.
4. Ignatov K. Yu. [Intertextual references in the linguo-poetic analysis of the poem]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoyazykovogo obrazovaniya v vuze: voprosy teorii yazyka i metodiki obucheniya: programma 7-i mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii i tezisy dokladov* [Current issues of contemporary language education at higher school: questions of language theory and teaching methods: Program of the 7th international scientific-practical conference and theses of reports]. Kolomna, State Social and Humanitarian Studies University Publ., 2019, pp. 62–63.
5. Kolokoltseva T. N., Moskvina V. P., sci. eds. *Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov* [Intertextuality and figures of intertext in different types of discourse]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2014. 352 p.
6. Matveeva T. V. [Textual expressiveness]. In: Kozhina M. N., ch. ed. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006, pp. 549–552.
7. Pugacheva E. Yu. *Praktikum po analiticheskomu chteniyu* [Analytical Reading Workshop]. Moscow, Pero Publ., 2019. 176 p.
8. Hall C. S., Garner L. Theories of Personality (Russ. ed.: Grinshpun I. B., transl. *Teoriya lichnosti*. Moscow, EKSMO-Press Publ., 1999. 592 p.).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 15.04.2020

Статья размещена на сайте: 05.02.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пугачева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: elenapetrishina@mail.ru

Elena Yu. Pugacheva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Philology, Moscow Region State University; e-mail: elenapetrishina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Пугачева Е. Ю. Особенности вербализации эмоциональной составляющей социальной роли «историк» в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого и Дж. Фаулза в сопоставительном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Pugacheva E. Yu. Verbalization of the emotional aspect of "historian" social role in Leo Tolstoy's and John Fowles' diary discourse: comparative analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru.